

Импрессия / миниатюры

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Импрессия / миниатюры ИМПРЕССИЯ

- ДУЭЛЬ

Когда-то он был моим другом. А теперь позвонил на работу. И предложил встретиться. В пятницу, как всегда.

Я согласилась. Спустившись на лифте. Вышла на улицу.

День кончался. Сыпал непривычный для этих мест снег – тяжелый, мокрый – и медленно оседал сахаром в чай, погибая в черной воде переулков.

Я добежала на каблуках по скользкому. И сразу за перекрестком наткнулась на него.

– Уже ждешь?

Кивнул.

Он прятался, как всегда, под козырьком дома и ходил ходуном от холода, кутаясь в кокон старенькой куртки, купленной нами когда-то в путешествиях по другой стране.

– Ну что, пойдем? – спросила.

– Пойдем.

И мы пошли.

Долго кружили по сочащимся слякотью подворотням. Горбились в зевах арок. Курили и молча смотрели на почти нездешний снег. В конце концов, вымокнув до нитки, решили спрятаться в первом попавшемся баре.

Вошли.

Внутри было сухо и безлюдно. Царапал джаз.

Мы разделись. Он недовольно поморщился под мокрой челкой.

– Сухое? – привычно спросила я.

– Нет, мне лучше кофе.

Он улыбнулся. Я улыбнулась в ответ.

Наверное, со стороны можно было подумать, что мы убиваем вечер. Все располагало.

Он говорил. Я молчала, с каждой новой минутой все больше понимая, что позвал он меня не просто так. Он позвал меня с совершенно определенной целью. Она была известна нам обоим задолго до этого вечера. Мы безоговорочно приняли ее, расположившись по разные стороны барьера. И теперь были похожи на двух фехтовальщиков, наносящих друг другу раны – в общем-то, смертельные, но пока, в пылу сражений еще не замеченные нами.

– Она совершенно другая. Не то, что твой прошлый. Она не такая, как мы, – сказал он и снова закурил.

Я молча пожала плечами. В сущности, несложно было представить себе кого-то, прорвавшегося в наш тесный, запутанный мир откуда-то из иного, еще не отравленного пространства – без всех этих сквозняков съемных комнат, досыпанием в утреннем метро, прокуренных подъездов и старого дивана на двоих. Несложно было представить.

– В конце концов, мы не сможем ответить на вопрос, кто же нам на самом деле нужен.

Я снова промолчала и закурила из общей пачки последнюю.

Он наступал. Обходил меня сзади, стреноживая сознание страхом окончательного разрыва. Куражился. Веселел. Ему хотелось победы любой ценой. Раскачивая в себе эту мысль, он нападал снова и снова. Ожидал, когда же я наконец не выдержу, допущу тактическую ошибку и открою свой левый бок.

Но я еще защищалась.

Он ждал.

Наконец я не выдержала. Поставила свой бокал на стол, медленно затушила сигарету и, положив обе руки перед собой, спросила:

- Значит, ты нашел наконец того, кто действительно тебе нужен?
- Думаю, да.
- Значит, это конец?

Он этого ждал. Он рассчитывал на это. Шпага его взвилась, с визгом разрезала воздух и разом, беспрепятственно вошла в мой бок и обломала свой наконечник где-то там, внутри.

- Это было неизбежно, – спокойно сказал он и с неимоверным облегчением откинулся на спинку стула, наблюдая за тем, как я падаю.

На меня навалилось вдруг что-то тяжелое. Кровь заполнила всю эту мысль и внезапно отключила мое сознание. Я еще ощущала, что дышу. Я была еще живая. Но этой жизни оставалось совсем чуть-чуть, одно мгновение.

Зал замер. Я из последних сил, прося о пощаде, подняла руку вверх. Но рука, уже безвольная, упала. Зал грохнул тысячью рукоплесканий.

Он поклонился.

Волна отхлынула. Мы расплатились и вышли из бара. Было уже совсем темно. Снег идти перестал. Я неуклюже поскользнулась на ступеньке, но устояла.

- Это тоже заживет, – подумала я упрямо и оперлась на его привычно подставленный локоть.

Он равнодушно посмотрел на меня. Сверху вниз.

- Ну? Ты на трамвай?

Я молча кивнула, сбивая с каблука налипшую кашу снега.

- Тогда что?
- Что?

– Тогда пока?

– Пока.

Я отмахнулась и отпустила его локоть – так, будто бы он был концом веревки, которую с другой стороны уже крепко держали другие люди, не знакомые мне – те, что пришли в его жизнь уже без меня, после меня, вместо меня. Те, кто однажды, быть может, тоже отпустят свой конец веревки. Но обо всем этом я не узнаю уже никогда.

Пустой трамвай, завизжав, как подранок, потащил меня домой. Сотрясаясь на поворотах всем своим железным нутром, он клонил меня вместе с собой то направо, то налево. Я сидела, прислонившись лбом к заиндевавшему от внезапного холода стеклу, и видела в нем только свое отражение. Все, что было по ту сторону стекла, проплывало теперь мимо меня невыразительными пятнами и пожиралось голодными, притаившимися в подворотнях сумерками.

От выпитого вина мутило. Где-то внизу, под левыми ребрами, ныло. Промокшие ноги окоченели. На этот раз я проиграла, да. Эта мысль еще пульсировала во мне, как порвавшаяся вена. Но тяжелый сон, как смертельная усталость, навалившаяся на меня, еще мешал ложкой в моей голове мысли и выуживал из их вязкой гущи только одну, самую легкую и беспечную – о том, что до грядущей пятницы осталось не так уж и много.

ИМПРЕССИЯ

Когда-то давно они знали друг друга. Но это было давно.

А тут встретились случайно у старых знакомых, которые, провожая их обоих в прихожей, смущенно молчали и подавали тяжелые зимние пальто.

Спустились вместе на лифте. Из темного подъезда наконец вышли в затеявшийся снегопад. Он привычно втянул голову в плечи и зашагал к ближайшему метро. Она пошла туда же.

Едва успели на последнюю электричку. Садиться они не стали. На

следующей станции ему нужно было выходить. Она помнила, потому что когда-то сама доезжала до той же станции и привычно выбегала на пересадку. Теперь оба они, держась за перила, застыли у самых дверей.

Всю дорогу молчали. В темноте туннеля окна вагона, запутавшись в том, что им отражать, соединяли все разом – внутренности вагона, бегущие провода, сигнальные фонари и щитки рекламы. В чем-то красном, он был непривычно красив. Она незаметно рассматривала его в стекле. А ее белое пальто то и дело наезжало на его красное бледными пятнами.

Нестерпимо хотелось спать. Но их все сильнее и сильнее раскачивало навстречу друг другу. Поэтому краски в оконном отражении грозились смешаться. В глубине вагона дремал какой-то бездомный дед. Его тоже мотало из стороны в сторону, но он спал, согласившись с вагонными судорогами, и не замечал опасного смешения красок.

Вдруг ей подумалось ненужное. Представила, как он доберется до своего дома, просочится в теплую однокомнатную квартиру, включит свет, вскипятит чайник. Оборвала мысль. Не нужно.

И вдруг во внезапном торможении поезда белое, оторвавшись от поручня, неожиданно врезалось в красное. И потонуло в нем. Пунцовые пятна обхватили его и замкнули в тесный круг. Цвета замерли. Белое неожиданно съежилось и, словно опомнившись, отшатнулось от красного и снова ухватилось за поручень.

Он смотрел на нее сверху вниз – взволнованно, жадно. Ее шапка съехала набок, но она не стала поправлять. В этот миг он шагнул к ней навстречу. Задыхаясь, что-то закричал, пытаясь вновь обнять белое. Но оно испуганно закричало. И, выпростав обе руки, стало отталкивать красное.

Все это длилось невыносимо долго, пока электричка, бешено завизжав, не вырвалась из черноты туннеля на платформу станции. Красное вдруг обмякло. Яркий, неоновый свет смазал, как засвеченный кадр, все отражения и выбросил красное в

разъехавшиеся двери вагона.

Он кинулся через платформу к стоящему напротив поезду. Запрыгнул в вагон. И лишь потом обернулся.

Она смотрела ему вслед. Лишь секунду. А может, и еще меньше. Даже непонятно было, чем можно было измерить это мгновение, пока двери вагонов были еще открыты, а победное красное еще сияло напротив.

Двери вагона сомкнулись. И его электричку какая-то дикая, удивившая ее сила утащила в туннель.

Она медленно прислонилась щекой к стеклу. Облегченно закрыла глаза. И хотя ее все дальше и дальше уносило от когда-то знакомой станции, ей все еще казалось, что эта пугающая, непонятная ей сила еще швыряет в нее опасное красное, много красного, густые пятна безжалостного, чужого красного, щедрого красного. И заливают ее белое. Уничтожает белое. Отрицает ее белое как цвет.

Он выбрался из метро, когда снег уже окончательно завалил тротуар. И побрел по запорошенному бездорожью, сливаясь со свежавывпавшим снегом и черной ниткой следов обнаруживая свой одинокий путь до самого дома.

ЖИВОТНЫЕ

Никто не знает, кто мы на самом деле.

Никто не знает, когда я трясусь в вечернем метро, пустом и дремотном, жадно хватая носом тревожные запахи ночи. Не знает, какие мы, когда я, оторвав дверь от подъезда, врываюсь в его меченное сигаретами и мочой нутро. Когда бегу, забираясь лестнице вверх — в твою крошечную квартиру на последнем этаже, под самой крышей. Перехватываю руками, как цепкая дикая кошка, лестничные перила. А старый лифт, так и уснувший в своей засаде, остается на дне черной шахты один.

Никто не знает, что случается с нами там, наверху, когда я,

тяжело дыша, барабаню ботинками в твою дверь. И ты, нетерпеливо выдохнувший на меня теплом и уютом дома, впускаешь наконец и запираешь за мной дверь. Никто не знает, кем мы станем, оказавшись в твоей саванне.

Я останавливаюсь. Привычно хватаю за кисти свой шарф и стягиваю вниз. Я дразню.

Ты замираешь так, как это делают дикие звери. Ты ждешь.

Мы оба знаем, как много значит терпение.

И лишь тогда, когда пространство смыкается между нами, когда мы врезаемся друг в друга, и я, задыхаясь твоим запахом, отзываюсь на него, отзываются братья по крови, земля начинает уходить из-под ног. Твое дыхание становится прерывистым. В глазах появляется жажда. Пальцы вплетаются в мои волосы и неожиданно, резко собирают их в узел. Я напряженно слежу за твоей рукой, медленно движущейся вдоль моего позвоночника. Потому что знаю, что это – игра, в которой главное – не упустить мгновенья, не оказаться жертвой.

Но ты, кажется, не тревожен. Думаешь, что мы – равные. Опустив голову, слушаешь мой шепот. И лишь иногда вздрагиваешь вместе с выдохом моих слов.

Мы садимся с тобой на пол. Я обнимаю тебя и медленно царапаю пальцами твой теплый живот. Тебе нравятся эти прикосновения. Ты закрываешь глаза, опрокидываешься в свой делирий. В твоей сладострастной фантазии, возможно, и нет меня. Но ты ждешь наслаждения, потому что оно совсем рядом. И лишь поэтому доверяешься и позволяешь делать с собой невозможное.

Я толкаю тебя. Откинувшись, падаешь на спину. А зрачки движутся плавно – то закатываясь под веки, то возвращаясь к осмысленному взгляду. Видишь ли ты меня? Помнишь ли, что я тут? Я жадно ищу в твоём взгляде ответы, но замечаю только растущее опасное – жажду, звериную жажду. Тревожно шепчу тебе, но ты уже не слышишь. Ослепший, оглохший, онемевший, ты, накопивши силу, вдруг вскрикиваешь и врываешься в меня,

ухватив наконец за выю и торжествуя победно. Я подчиняюсь. Мне еще кажется, что победа твоя не губит, что она – наслаждение. И потому все сильнее поднимаю подбородок, натягивая до предела артерии, внутри которых еще бьется моя жизнь – жаркая, жаждущая, но всего лишь мгновение назад переставшая мне принадлежать.

А утром, когда я неслышно покидаю твою задремавшую, обессиленную саванну, когда, намотав на шею шарф, сбегаю по гулким ступеням вниз, вырываясь на шумную улицу, когда снова трясусь в метро, уезжая от тебя прочь, я не понимаю себя. Закрываю глаза и в ужасе трясусь тяжелой от бессонницы головой: как хорошо, что никто не знает, какими мы бываем с тобой на самом деле, как хорошо.

• КОГДА ОНИ ПРИЕХАЛИ С МОРЯ

Стоял жаркий июльский день. Таня была в старом, линялом платье и кургузых сандалиях, совсем убитых поездкой к морю, из которой они с мамой вернулись только вчера. Коленки, шоколадные от крымского солнца. Волосы, отпущенные до плеч. Перед началом сентября мама собиралась отвести Таню к тете Веронике. Та должна была все состричь, все поправить, чтобы к первому сентября Таня вновь стала похожа на прилежную школьницу. Но все их планы сломались в один день.

Вот уже сутки никого не заботило, чем Таня занята и о чем она думает. А она шла. У нее под сандалиями плыл разбухший от плывущего зноя асфальт. Таня смотрела только на него, потому что в его расплавленной мякоти с удивительной точностью отпечатывались десятки подошв и каблуков людей, идущих впереди.

Кто-то бросал на асфальт цветы – красные гвоздики. Таня наступала на них. А они, выпитые зноем, не ломались и не скрипели под ногами, а бессильно лежали, понимая, что уже мертвы.

Рядом с Таней шли ее дворовые подружки – толстая Тамара,

жадина, и Светка, дочь дворничихи, глупая и доверчивая, младше Тани на целый год. Они изнывали от жары, останавливались, тяжело отдувались, обмахивая красные лица подолами платьев, но потом продолжали идти вслед за толпой.

Вдруг толпа остановилась. И запертые в ней Таня и ее подружки стали вытягивать шеи и из любопытства подпрыгивать, чтобы посмотреть, что там случилось впереди.

А впереди подъехали автобусы и грузовая машина с открытым кузовом. Люди сбились со своего хода и засуетились, крича и отыскивая друг друга.

Таня увидела в толпе маму. И удивилась, едва узнав. Лицо ее было каким-то чужим, отрешенным. Маму кто-то вел, держа под руку. Но она то и дело останавливалась, будто бы эта жара доконала ее совсем.

Когда толпа остановилась, мама зачем-то обернулась и посмотрела на всех. Таня хотела ей крикнуть или помахать рукой, но заметила, что мама смотрит так, будто никого не узнает или не замечает. Тогда Таня стала проталкиваться через людей, чтобы добраться до мамы. Но тут какие-то люди подхватили маму под локти и затащили в открытый кузов.

Наверху, над толпой мама в своем лазоревом платье и красивыми крепкими ногами показалась Тане еще красивее, чем на земле. Такая же загоревшая после моря, как и Таня, в модных туфлях, которые они вместе купили за день до отъезда домой. Ей хотелось полюбоваться мамой, но Таня снова подумала, что в маме что-то не так. Она была теперь какая-то вялая, точно пьяная или больная. Тогда Таня передумала бежать к маме и вернулась к подружкам.

Те же люди, что затаскивали маму в кузов, стали закрывать заднюю крышку, загремели щеколдами по бокам. Вместе с мамой в кузове оказались еще несколько человек. Остальные полезли в автобусы. Тане в автобус совсем не хотелось. Там наверняка было еще жарче, чем на улице. Она подняла край своего платья и

вытерла потное, будто печеное лицо.

Вдруг кто-то, схватив ее за руку, потащил в кабину грузовой машины. Она повиновалась. В кабине уже сидели и Тамара, и Светка. Они с интересом крутили разные рычаги, кнопочки и даже трогали руль. Видимо, им это разрешили. И они, восхищенные этим занятием, увлекли и Таню.

На стекле заднего вида болтался чертик, сплетенный из капельницы. Вдоль лобового стекла тянулась грязная желтая бахрома. А на панель управления были приклеены выгоревшие от солнца иконки и фотографии каких-то полуголых японок. Они напомнили Тане девушек с моря. И она даже подумала, что хозяин машины тоже успел этим летом скататься в Крым. И тут же убедилась в этом, когда загорелый до шоколадного блеска шофер запрыгнул в кабину.

Веселый, усатый, он отдышался и стал с охотой рассказывать про устройство грузовика. Причем говорил он с таким юмором, что всем в кабине стало весело. Таня и подружки начали хохотать и толкать друг друга коленками.

Наконец кто-то постучал шоферу по крыше кабины. Он завел мотор. И поехали. Налегая на свои рычаги, шофер время от времени все посматривал на девчонок и подмигивал им.

Совсем скоро машина приехала на место. Через лобовое стекло Таня увидела, что уже не город. Автобусы, приехавшие вслед за грузовиком, парковались друг за другом. Из них стали выходить люди, снова образуя большую, неупорядоченную толпу.

Шофер тоже стал смотреть на толпу. Перестал смеяться. Потом вытер локтем пот со лба, повернулся к своим пассажиркам, внимательно их осмотрел и совершенно неожиданно, будто забыл это сделать раньше, спросил:

– Девчат, а у кого ж из вас папка-то умер?

Толстая Тамара, совсем не растерявшись от такого вопроса,

подняла указательный палец и показала на Таню. Светка, немного робея, согласилась с ней. Шофер с непонятной стыдливостью опустил глаза.

Смеяться никому больше не хотелось. А Таня вдруг подумала, что закадычные дворовые подружки, вот так – подло, жестоко ее подставили. Она сидела, окаменевшая, будто бы ее только что ударили наотмашь по лицу. От этого к ней вернулась нетвердая память – о том, что еще накануне обрушилось на нее, на ее маму и всех тех, кто был с ними знаком. По ее лицу разошелся жгучий румянец. Как клеймо, – с отчаянием заключила Таня, потому что в этот момент поняла, что теперь она не такая, как все, она стала другой и уже никогда не вернется в тот день, когда они с мамой приехали с моря.

- КАРАНДАШИ / рассказ

Верочка знала, что они лежат в синей коробке на самом краю шкафа их маленькой комнаты на троих. Мама и папа были уверены, что спрятали их хорошо. Но Верочка знала об их существовании еще с середины лета. Их сладкий древесный запах разнесся по всему дому сразу же, как папа принес синюю коробку домой. Украдкой Верочка придвигала к шкафу высокий табурет и карабкалась вверх.

Они были там. Лежали в своей синей картонной коробке – аккуратные, в два ряда. Справа – посветлей, слева – потемней, а в самом углу – заветный белый, который – она уже знала – ничего не рисовал, но оттого превращался для Верочки в еще большую загадку среди других.

В конце августа отпуск у родителей кончился. И Верочку снова повели в детский сад. Воспитательница Раиса Петровна, толстозадая тетка со слоистой, как пирог, шеей и всегда свежей химической завивкой на бледных волосах, сказала:

– Дети!

Нет, она не так сказала...

Она усадила всех детей за столы, строго прошлась вдоль рядом между низенькими стульчиками и, дождавшись мертвой тишины, наконец сказала:

– Дети, завтра мы будем рисовать с вами зиму.

Ну и ну, подумала Верочка. Какая еще зима? Даже лето еще не кончилось. А за ним должна была прийти еще осень. Верочка это хорошо знала. Но спорить не стала. Кем была Верочка и кем Раиса Петровна!

Дети тут же зашумели. Им идея понравилась. А самый противный во всем детском саду мальчик Смирнов, который всех обзывал и вообще был хулиганом, громко засмеялся и зачем-то плюнул на пол.

Раиса Петровна укоризненно покачала головой, но говорить мальчику Смирнову ничего не стала, а только добавила:

– Завтра, дети, вы должны принести в детский сад цветные карандаши.

Это выплеснулось из Раисы Петровны так неожиданно, так желанно, что Верочка, насилу дождавшись, когда ее заберут домой, хватала и маму, и папу за руки, захлебывалась словами и повторяла:

– Мамочка, карандаши! Папочка, завтра!

Со шкафа синюю коробку достал папа. Похрустел картонной крышкой, снимая магазинную обертку. Потом вынул из буфета свой любимый перочинный нож. И, напряженно закусив нижнюю губу, стал срезать с карандашей стружку. Мама с Верочкой сели рядом с папой и долго смотрели, как ароматное, разноцветное конфетти засыпает пол вокруг папы. И вот наконец он вытянул из коробки заветный белый карандаш, зажал его в своих пальцах и... превратил в живой.

Когда он закончил, мама деловито сказала Верочке:

– Возьми цветную бумагу и наклей на коробку что-то такое, что поможет тебе отличить ее от коробок других детей.

Верочка задумалась, повертела в руках ножницы. А потом вырезала из бумаги квадрат и треугольник. Наклеила их на заветную коробку. Получился довольно милый домик. Верочке он понравился. Маме и папе тоже. Потом синюю коробку положили ночевать в мамину сумку, чтобы на следующий день отправиться с ней в детский сад.

Утром мама отдала Верочкины карандаши Раисе Петровне. И та, мотнув своей шеей-пирогом, отнесла коробку туда, где уже лежало с десятков таких же, как у Верочки, синих коробок.

– Боже мой! – только и успела подумать Верочка. – Как же я теперь отыщу свою коробку?

Но тут же вспомнила о приклеенном домике и успокоилась.

И вот после завтрака, когда дети, взволнованные предстоящим рисованием, обсуждали каждый свою коробку, Раиса Петровна снова дождалась мертвой тишины и строго сказала:

– Дети!

Хотя зачем повторяться. Она весь снова начала говорить про какую-то зиму. Верочка уже не слушала. Ее уши закладывало от волнения. Она не могла дождаться, когда ей выдадут наконец ее синюю, с домиком коробку, внутри которой друг за другом лежат новенькие, пахучие, аккуратно заточенные папой карандаши. А среди них – тот, волшебный, белый.

Непременно надо начать с него, с белого, – засуеилось у Верочки внутри. Она нарисует им зимнее небо, заснеженную землю, заледенелые провода, белую соседскую собаку, которая с удивлением нюхает выпавший снег. Она нарисует запорошенных снегом людей, машины, дома – и все белым.

Раиса Петровна сгребла со своего стола в кучу все синие детские коробки и начала раздавать. Дети притихли. Она

проходила между маленькими стульчиками и бросала на каждый стол по несколько коробок. Но бросала их без разбора, совсем не учитывая того, что у каждой коробки был свой хозяин.

Перед Верочкиным носом тоже с хрустом упала синяя коробка и плотный лист бумаги. Верочка, удивленная, потянула к коробке руки, открыла ее и посмотрела внутрь. Дыхание ее в ужасе остановилось. Это была не ее коробка.

Она захотела тут же сказать:

– Раиса Петровна, хорошая, добрая Раиса Петровна, это не моя коробка!

Но дети так расшумелись, что Верочку было не слышать. Ей стало обидно. И слезы навернулись сами собой. Ведь это действительно была не ее коробка. Верочка повозила ее по столу и после открыла. И от ужаса задохнулась. Внутри лежали тупые, замусоленные карандаши, половина из которых щерилась огрызками без стержней. Это были карандаши-уродцы, карандаши-палки – без смысла и голов. А белый... Белый был изуродован больше других. Белый-калека. Неправильный белый. В отвратительной чужой коробке иначе и не могло быть. Внутри у Верочки стало совсем мутно. И желание рисовать зиму испарилось совсем.

Дети тем временем угомонились, раскрыли синие коробки и склонились каждый над своим листом. Верочка исподлобья посмотрела на детей. Никто не желал признаваться, что ему досталась не его, а чья-то новая коробка с домиком и остренькими, аккуратно заточенными карандашами. Отчаяние подкатило к горлу комком. Верочка в ярости оттолкнула от себя чужую коробку с поломанными карандашами и встала со стула.

– Это не мое, – сказала она решительно.

Раиса Петровна обернулась и удивленно уставилась на Верочку.

– И?

Ноги у Верочки затряслись. Кровь ударила в голову. Она часто

задышала и повторила:

– Это не мое.

Раиса Петровна растерялась и выкатила на Верочку глаза. Подошла, взяла со стола коробку и, раздражаясь, загромыхала ею перед Верочкиным лицом.

– Чем тебе не карандаши!

Верочка упрямо сжала губы.

– Не мое!

Дети перестали рисовать, развернулись в ее сторону. И вдруг один за другим тоже стали роптать: не мое, не мое, не мое.

Раиса Петровна, будто бы потеряв равновесие, закачалась, затрясла своей шеей-пирогом и неожиданно, как сирена, заревела:

– А ну-ка всем молчать!

Но дети ее уже не слушали. Кто-то пытался объяснить, подняв над головой чужие коробки, кто-то уже навзрыд плакал:

– Не мое-е-е!

Остальные, воспользовавшись общим смятением, вскакивали со своих стульчиков, кривлялись, толкали друг друга и кидались карандашами.

Раиса Петровна, потеряв последнее терпение, перешла на визг.

– Сядьте, сядьте! Прекратите орать! И рисуйте!

И, придавливая ладонью детские головы, пошла по рядам. Очередь дошла до Верочки. Она сделала шаг назад и процедила сквозь зубы:

– Не сяду! И не буду рисовать!

Раиса Петровна сжала зубы:

– Это еще почему?

– Потому что карандаши, которые вы мне дали, не мои. Не мои!

Верочка зарыдала. Мальчик Смирнов снова плюнул на пол. И тут пружина, едва уже сдерживавшаяся в Раисе Петровне, разогнулась со свистом. Она, подавшись своим крупным задом, выбросила вперед крепкую руку, ухватила за шиворот Верочку и волоком потащила из-за стола.

– Ах ты дрянь! Дрянь упрямая! – замотала она индюшачьими складками. – Что ж ты делаешь! Что ж ты не даешь детям рисовать?!

От страха Верочка закричала и судорожно стала хвататься за детские стульчики, переворачивая на ходу один за одним. Дети вконец вышли из-под контроля, перевоплотившись в стадо. Кто-то ревел медведем, кто-то рвал приготовленные для рисования листы и разбрасывал клочки в разные стороны, кто-то лез в драку, а мальчик Смирнов все плевал и плевал на других, радуясь, когда его слюна достигала цели.

Раиса Петровна под общий гомон и дикий вой тащила Верочку, как барана, в угол и, разгоряченная от расправы, выкрикивала:

– Дрянь! Упрямая дрянь!

Кто-то из детей передразнил ее. Все остальные засмеялись. Верочка перестала плакать и кричать. Она поняла вдруг, что спасти ее некому.

В тихий час улеглись еле-еле. Верочку так и оставили подпирать угол. Она молча стояла там, переминаясь с ноги на ногу. А Раиса Петровна, обхватив руками свою толстую шею, весь тихий час сидела спиной к Верочке и не шевелилась.

Зима так и осталась не нарисованной детьми. И правильно, – думала Верочка потом, волочась домой вслед за рассерженной

мамой. – Ведь белый карандаш на листе все равно бы никто не увидел. Нельзя было рисовать белым. Тем более чужим.

Об авторе: МИЛА БОРН

Сценарист, писатель, журналист. Родилась в 1972 году в Волгограде. Музыкант во втором поколении. Лауреат многочисленных музыкальных конкурсов среди детей-исполнителей. Многократно участвовала в музыкальных передачах на ТВ. С отличием окончила музыкальную школу по классу фортепиано. Обучалась в Волгоградской консерватории им. П.А.Серебрякова (бывшее училище искусств). В 1993 году поступила в Литературный институт имени Горького. Работала в московских изданиях в течение 22 лет, в том числе главным редактором. Публиковалась со стихами, малой прозой и культурологическими монографиями в «Литературной газете», «Неофициальной Москве». Принимала участие в издательских проектах, среди них – «Вавилон», «Литературная жизнь Москвы». С 2010 года в Германии. В 2019 году окончила сценарный факультет ВГИКа. Принимала участие в работе над проектами киностудии «ИбРус» (Москва). В 2019 году стала дипломантом 39-го Международного фестиваля ВГИК в номинации «Сценарий полнометражного игрового фильма». В настоящее время живет в Берлине. Пишет сценарии и рассказы. Публикуется в зарубежных русскоязычных журналах («Берлин. Берега», «Новый берег»). Neкаýalar